

ФИЛОСОФИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ. ТЕОРИЯ ПРАВА. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА

Юлий Владимирович Ставропольский

Кандидат социологических наук, доцент

E-mail: abcdoc@yandex.ru

Влияние философии культуры на современное китайское право

Аннотация: в статье рассматриваются особенности китайской социалистической системы права. Утверждается, что в идее КПК о преобразовании личности таким образом, чтобы привить ей правильные пролетарские установки, усматривается возврат к конфуцианскому подчеркиванию самовоспитания и формирования личности в качестве основания нравственной и политической жизни. Раскрываются отличия китайской системы права от западной. Для более глубокого понимания нюансов китайской юридической системы автор обращается к ее культурфилософским основаниям. Рассматривается влияние легизма и конфуцианства на современную китайскую теорию права.

Ключевые слова: китайское право, легист, право, принцип, законодательство, даосизм, юстиция, конфуцианство, Коммунистическая партия Китая.

Julij Vladimirovich Stavropol'skij

Candidate of sociological science, associate professor

Influence of the Philosophy of Culture in the Modern Chinese Law

Annotation: the article discusses the features of the socialist system of law. It is alleged that the idea of the CPC about transformation of personality thus inoculating in it some correct proletarian attitudes, might be seen as a return to the Confucian emphasis on the self and identity formation as the basis of moral and political life. One has revealed the differences of the Chinese legal system from the Western one. For a deeper understanding, the author appeals to its cultural and philosophical grounds. One examines the impact of legism and Confucianism on the modern Chinese theory of law.

Keywords: Chinese law, legist, law, principle, legislation, Daoism, justice, Confucianism, Communist Party of China (CPC).

В феврале 1949 г. Китайская коммунистическая партия свергла правительство Гоминьдана, упразднив его юридические органы и законодательство. Была издана Директива об упразднении всех шести гоминьдановских кодексов — конституции, торгового, гражданского, уголовного, гражданского процессуального и уголовного процессуального кодексов, написанных по европейским образцам, и всего действовавшего законодательства в полном объеме. Согласно этой

Директиве вступили в действие Принципы законодательства на освобожденных территориях. В сентябре 1949 г. данная Директива была включена в Ответственную программу совещательной конференции китайского народа, которая временно действовала в качестве Основного закона до 1954 г.¹ В ст. 17 Ответственной программы заявлено, что все законы, указы и судебные постановления реакционного правительства Гоминьдана, которые угнетают народ, отныне более не имеют силы, но будет учреждена народная юридическая система.

Разделавшись с националистическими правовыми институтами, новое правительство стало вводить официальные юридические органы по советскому образцу, в первую очередь народный суд и народную прокуратуру. Это было время революционной эйфории, озаменованное скорыми политическими переменами и претворением коммунистической философии в жизнь². При этом право использовалось в качестве политического орудия борьбы за рабочую власть. В 1952 и 1953 гг. в Китай приезжали преподавать советские правоведы, а китайские студенты отправлялись изучать право в Советский Союз. Благодаря влиянию советских правовых концепций период с 1954 до середины 1957 гг. стал золотой порой развития права в КНР, поскольку удалось добиться значительного прогресса на пути учреждения официальной правовой системы. Каркас этой системы был заложен в 1954 г. с принятием Конституции КНР. Впоследствии она была дополнена организованным законодательством для судов и прокуратуры, опиравшимся на сталинскую конституцию 1936 г.

Советское законодательство вместе с теми принципами, на которых оно зиждилось, до середины 1957 г. перенималось в готовом виде в ходе разработки китайского законодательства. Однако затем в китайской политике произошел коренной поворот. Советско-китайский альянс дал трещину, и китайские вожди отвергли советскую правовую модель. Тогда отдельные китайские правоведы выступили с требованием модернизации юридической системы. Они даже дерзнули предложить узаконить такие западные правовые понятия, как независимый суд, равная ответственность перед законом, соблюдение юридической процедуры. Эти реформистские посягательства оборвались в 1959 г., когда реформаторы были осуждены на процессах правых уклонистов, за то, что они использовали право в борьбе против коммунистической партии и отрицали классовую природу права.

В 1966 г. председатель Мао Цзэ-дун провозгласил культурную революцию, тем самым уничтожив всякую возможность применения в Китае в полном объеме как советской юридической системы, основанной на коммунистических принципах, так и западной юридической системы. В период с 1966 по 1976 гг. в Китае было расформировано Министерство юстиции, юридические институты и факультеты были закрыты, правоведческие исследования прекратились. Профессия «юрист» прекратила существовать, законов больше не писали, юридической литературы и журналов не издавали. В политической идеологии

¹ См.: *Лафитский В. И., Троцинский П. В.* Конституционный путь Китая: К шестидесятилетию Конституции КНР 1954 г. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 4. С. 647.

² См.: *Китайская философия : энциклопедический словарь.* М., 1994.

возобладала революционная мораль, государством управляла коммунистическая партия — массовая организация народа. Китайские юристы искали работу не по специальности.

После кончины Мао Цзэ-дуна и разоблачения «Банды четырех» в 1976 г., начал формироваться новый Китай, опирающийся на социалистическую законность и гарантирующий человеку его права. Возрожденное Министерство юстиции сегодня руководит юристами и нотариусами, проводит правоведческие исследования, координирует активность юридических изданий. Возрождена система народных юристов. С 1986 г. в Министерстве юстиции регулярно принимает экзамены Китайская национальная коллегия адвокатов, обеспечивая непрерывный приток в правовую систему тысяч новых квалифицированных специалистов.

Одновременно с возрождением правовой и судебной систем встал вопрос о восстановлении юридического образования. В распоряжении Министерства юстиции находятся пять политологических и правоведческих институтов в различных провинциях Китая — в городах Чунцин, Пекин, Шанхай, Сиань и Ухань. Кроме того, в ведущих китайских университетах обучают студентов и аспирантов по юридическим специальностям. Специалисты получают теоретическую и практическую юридическую подготовку на протяжении четырехгодичного курса обучения. Дополнительно аспиранты на протяжении двух-трех лет должны подготовить диссертацию. Наконец, при администрациях китайских провинций работают школы по подготовке юридических кадров. В процессе восстановления китайской юридической и судебной систем налажено издание более сотни периодических правовых изданий, включая «Лю Сайэнс Рисеч» и «Фачжи Жибао». В 1984 г. была опубликована однотомная юридическая энциклопедия, в которой имеются разделы по общему праву, по отраслям отечественного, зарубежного и международного права, по истории права, биографии видных юристов.

В 1983 г. Дэн Сяопин заявил, что для того чтобы демократия состоялась «на бумаге», необходимо разработать новые законы, указы и нормативные правила. 22 ноября 1985 г. постоянный комитет Национального народного собрания КНР постановил провести пятилетнюю программу государственного обучения китайскому законодательству и юридической системе. Программа осуществлялась с 1986 по 1990 гг. и была направлена на искоренение правовой безграмотности, на обучение всех китайцев, включая государственных чиновников, с учетом важности юридической системы и тех задач, которым она служит.

В газетах публиковались статьи с разъяснением новой юридической системы. Трудящиеся, имеющие отношение к юридической сфере, посещали лекции о праве, лекции также транслировались по телевидению и по радио. Юридические институты готовили популярные раздаточные материалы. В образовательных целях устраивались народные суды, отчеты о которых публиковались в прессе. В целом, результаты программы юридического образования оказались удовлетворительными¹.

Сердцевину китайской концепции социалистической демократии образуют заложенные в конституции положения ст. 2 о том, что вся власть в Китайской

¹ См.: *Смирнова Л. Н.* Борьба с коррупцией в КНР: международный опыт и «особая китайская модель»: дис. ... канд. полит. наук. М., 2014. С. 171.

Народной Республике принадлежит народу, и ст. 33 о равенстве всех граждан КНР перед законом. На эти положения конституции опирался Дэн Сяопин, когда требовал институционализировать демократию и закрепить ее в законах, чтобы быть уверенным в том, что институты и законы не изменятся при смене руководства либо при изменении руководством своих взглядов.

В идее КПК о преобразовании личности таким образом, чтобы привить ей правильные пролетарские установки, усматривается возврат к конфуцианскому подчеркиванию самовоспитания и формирования личности в качестве основания нравственной и политической жизни. Некоторые юристы на западе расценивают пятилетнюю программу юридического образования в качестве попытки насадить социалистическую идеологию в сознание китайских граждан. Слово «демократия» в западном смысле означает группу людей, которой произвольным образом управляют те, кого они сами избрали. Однако в Китае слово «демократия» означает согласие с тем что правление КПК наилучшим образом отвечает интересам народа. Несмотря на то что рядовые граждане не могут значительным образом повлиять на политику партии, члены партии являются видными представителями народа, способными наилучшим образом управлять страной в интересах КНР.

В западных странах законодательная ветвь принимает законы, а судебная ветвь толкует их. В Китае обе ветви неразрывно связаны друг с другом. Из этого понятно, почему события на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. были признаны контрреволюционным бунтом и в итоге насильственно подавлены. Согласно марксистской теории права закон выражает правила, навязываемые теми, кто правят, и подкрепляет их волей правящего класса. По китайскому уголовному законодательству контрреволюция есть тяжчайшее преступление. В июне 1989 г. военное положение было в очередной раз использовано в качестве политического инструмента сохранения правопорядка в китайском обществе.

1 июля 1979 г. вторая сессия пятого Национального народного собрания ввела в действие семь новых законов: Основной закон о местных народных собраниях и местных народных правительствах, закон об избрании Национального народного собрания и местных народных собраний всех уровней, Основной закон о народных судах, Основной закон о народных прокуратурах, уголовный кодекс, уголовно-процессуальный кодекс, закон о совместных предприятиях. 29 ноября 1979 г. постоянный комитет Национального народного собрания принял решение, которым все законы, принятые в 1950–60х гг., провозглашались действующими, если они не противоречат конституции либо более современному законодательству.

Принятие нового законодательства проходит в Китае четырехступенчатую процедуру: представление законопроекта, его обсуждение, принятие, вступление в силу. Законодательную процедуру инициируют Государственный совет либо Национальное народное собрание, либо иной орган высокого уровня, который заявляет о необходимости принятия конкретного законодательного документа или внесения поправок в действующее законодательство. Тогда перед соответствующим правительственным ведомством ставится задача

подготовить законопроект либо поправки. Вопреки распространенному мнению, КПК не инициирует законодательный процесс. Она не имеет отношения к законодательному процессу, однако некоторые законодатели состоят в КПК.

При научном анализе целесообразно учитывать природу и объем новой социалистической правовой системы¹. Сложность объяснения нюансов переплетения социализма с западными правовыми концепциями отпугивает западных юристов от вникания в суть китайской социалистической правовой системы. Подобно тому, как демократические формы правления в западных странах в интеллектуальном плане стимулируют независимый суд, учение Маркса-Ленина-Мао создает в Китае идеологический каркас всех институтов, в том числе юридической системы. Для более глубокого понимания нюансов китайской юридической системы западному юристу необходимо обратиться к ее культурфилософским основаниям².

У Китая длительная история, насчитывающая не менее трех тысяч лет. За это время в Китае возникло множество разнообразных философских идей. Подобно классической Греции, Китай пережил свой подъем философской мысли, который пришелся на VI—III вв. до н. э. Золотой век китайской мысли известен под именем весенних и осенних периодов (772—481 гг. до н. э.). Китайская юридическая философия никогда не страдала от недостатка оригинальных учений, в которых детально прорабатывалось и обогащалось идейное наследие прежних эпох. Сы Ма-цян (?145—86 гг. до н. э.) в своем фундаментальном историческом труде «Шицзи» перечисляет шесть школ: инь и ян, конфуцианство, моизм, номинализм, легизм и даосизм. Среди них лишь даосизм, конфуцианство и легизм традиционно считаются основными столпами китайской концепции права. Легисты и конфуцианцы повлияли на китайскую теорию права гораздо сильнее, нежели даосы, тем не менее все три школы заслуживают внимания.

Даосизм представлен двумя великими философами — Лао Цзы и Чжуан Цзы, в трудах которых вполне исчерпывающе выражены основные идеи даосизма. Согласно даосскому учению вселенной управляет основополагающий принцип Дао, что по-китайски значит «путь». Пока вы следуете по великому пути, без произвольного вмешательства со стороны волевых актов, все хорошо. Подобно воде, что стекает с гор, у-вэй, или бездействие, позволяет вам следовать великим путем. Вопреки западной логике, даосы ратовали за бездействие. Лао Цзы объяснял, что знание того, кто учится, возрастает день ото дня. Если следовать Дао, то наши желания убывают день ото дня. В итоге вы достигаете состояния бездействия, желая все меньше и меньше. Не делая ничего, мы делаем все. В равной мере принцип бездействия применим к управлению. Даосизм расценивает любые человеческие действия как нарушение естественного порядка.

¹ См.: Трощинский П. В. Основные этапы формирования современной правовой системы Китайской Народной Республики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 4. С. 69—79.

² См.: Абрамов В. А., Абрамова Н. А. История философии Китая (истоки, основные этапы развития, современность). Чита, 1997.

Конфуцианство диаметрально противоположно даосизму, ибо отрицает принцип у-вэй (бездействие). Последователи Конфуция верят в то, что правление должно быть активным, а социальный порядок — строгим. Они считают, что человеческий мир коренным образом отличается от мира природы. В мире природы господствует внешняя иерархия, по образцу которой следует создавать мир людей. Естественные законы, управляющие физическим миром, конфуцианцы называют Дао или Тянь дао, что значит «небесный путь». Законы, управляющие миром природы, непосредственно миром людей не управляют. Одушевленность и тайну в человеческий мир привносит даосский Путь, благодаря которому возможна жизнь во вселенной. Однако, на взгляд конфуцианцев, Путь есть всего лишь основной безличный принцип.

Третий философский столп, на который опирается система китайского права¹, — легизм, видная школа мысли, заслуживающая особого внимания. Легисты утверждают, что общественная жизнь человека должна строго руководствоваться позитивным правом. Конфуцианцам нужен иерархически упорядоченный мир людей, которым управляют законы ли — ритуалы. Напротив, юристы видят в законах социальные ритуалы, в равной степени применимые ко всем. Подобно мерам и весам юридические нормы должны быть стандартными и стабильными. Таким образом, легисты относились к позитивным законам как к весам и мерам. По мнению легистов, смысл законов должен быть понятен каждому. Современное китайское руководство разделяет данную точку зрения, проводя политику обучения праву всех граждан. На взгляд легистов, мир не должен управляться сам собой, самопроизвольно. Складывается впечатление, что легисты отвергают даосский принцип бездействия. Они стремятся к тому, чтобы мир обрел упорядоченность, и в этом отношении их представления несущественно расходятся с конфуцианством.

На практике противоречия между легизмом и конфуцианством значительнее, нежели между легизмом и даосизмом. Легисты представляются приверженцами даосизма. Различия между легистами и даосами преимущественно носят поверхностный характер. В отличие от конфуцианцев, легисты не считают, что человеческий мир существует параллельно миру природы. Закон для легистов есть всего лишь средство осуществления конечной цели. Они полагают, что Дао справедливо, а цель позитивного права заключается в том, чтобы обеспечить наступление идеального мира при помощи наказаний и вознаграждений. Благодаря праву люди придут к осознанию того, что у каждого есть душа, в которой имеется механизм морального саморегулирования. Люди будут соблюдать принцип бездействия, не испытывая никаких неудобств и не препятствуя функционированию этого механизма, игнорирующего тщетные человеческие усилия. Анализ можно упростить, если сказать, что легисты склонны быть реалистами, а конфуцианцы — идеалистами. Понимание китайского права облегчается благодаря синоцентрической позиции.

И сегодня легизм и конфуцианство оказывают влияние на китайскую теорию права². В конфуцианской философии личная и общественная мораль

¹ См.: Рыков С. Ю. Древнекитайская философия. М., 2012.

² См.: Переломов Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. М., 2007.

определяет естественный порядок вещей. На протяжении более двух тысяч лет конфуцианская философия естественного права служила многим китайским правителям, однако сегодняшние руководители КНР предпочли легистскую философию. Соответственно, даосизм в меньшей степени влияет на право, ибо в китайском обществе религия не играет столь важной роли, как во многих странах запада.

Долгая история феодального правления в Китае не сформировала ни демократической, ни правовой традиции по западному образцу. Представляется, что, когда правовая система войдет в ткань китайского общества и станет отвечать человеческим чаяниям, тогда о ее долговечности можно будет не беспокоиться, как и о преемственности политического курса независимо от личности руководителя.

Пристайный библиографический список

1. Абрамов, В. А. История философии Китая (истоки, основные этапы развития, современность) / В. А. Абрамов, Н. А. Абрамова. — Чита : ЧитГУ, 1997. — 205 с.

2. Китайская философия : энциклопедический словарь. — М. : Мысль, 1994. — 573 с.

3. Лафитский, В. И. Конституционный путь Китая: К шестидесятилетию Конституции КНР 1954 г. / В. И. Лафитский, П. В. Трощинский // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2014. — № 4. — С. 646–657.

4. Переломов, Л. С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР / Л. С. Переломов. — М. : ЛКИ, 2007. — 256 с.

5. Трощинский, П. В. Основные этапы формирования современной правовой системы Китайской Народной Республики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2012. — № 4. — С. 69–79.

References

1. Abramov, V. A. Istorija filosofii Kitaja (istoki, osnovnye jetapy razvitija, sovremennost') [History of philosophy in China (origins, main stages of development, modernity)] / V. A. Abramov, N. A. Abramova. — Chita : ChitGU, 1997. — 205 p.

2. Kitajskaja filosofija : jenciklopedicheskij slovar' [Chinese philosophy. Encyclopedic dictionary]. — M. : Mysl', 1994. — 573 p.

3. Lafitskij, V. I. Konstitucionnyj put' Kitaja: K shestidesjatiletiju Konstitucii KNR 1954 g. [Constitutional way of China: To the sixtieth anniversary of the PRC Constitution 1954] / V. I. Lafitskij, P. V. Troshhinskij // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. — 2014. — No. 4. — P. 646–657.

4. Perelomov, L. S. Konfucianstvo i sovremennyj strategicheskij kurs KNR [Confucianism and modern strategic course of the PRC] / L. S. Perelomov. — M. : LKI, 2007. — 256 p.

5. Troshchinskij, P. V. Osnovnye jetapy formirovanija sovremennoj pravovoj sistemy Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Main stages of formation of the modern legal system of the People's Republic of China] // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. — 2012. — No. 4. — P. 69–79.